

Елена Александровна Либба

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(Российской правовой академии Минюста России), кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Саранск, Россия
e-mail: snezhinka_elena@mail.ru

Научный, мифологический и идеологический дискурсы как философские феномены

Аннотация. Целью статьи является выявление характерных аспектов научного, мифологического и идеологического дискурсов в философском пространстве. В статье дискурс рассматривается как философский феномен. Дискурсивный подход к изучению философских категорий с ориентацией на практическую коммуникативную деятельность привел к потребности в анализе конкретных примеров употребления дискурсивных средств (в письменной и устной формах) с целью привлечения большего количества необходимого философского материала, одним из источников которого в настоящее время является глобальная сеть Интернет.

Ключевые слова: дискурсивная практика, идеологический дискурс, коммуникативная деятельность, теория дискурса.

Elena A. Libba

The Volga Region Branch of the Russian Law University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russia), Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Saransk, Russia
e-mail: snezhinka_elena@mail.ru

Scientific, Mythological and Ideological Discourses as Philosophical Phenomena

Abstract. The aim of the article is to identify the characteristic aspects of scientific, mythological and ideological discourses in the philosophical space. The article considers discourse as a philosophical phenomenon. The discursive approach to the study of philosophical categories with orientation on practical communicative activity has led to the need to analyse specific examples of the use of discursive means (in written and oral forms) in order to attract more necessary philosophical material, one of the sources of which is currently the global Internet.

Keywords: discursive practice, ideological discourse, communicative activity, discourse theory.

Введение (Introduction)

Представляется, что научный дискурс «генетически» связан с мифологическим и идеологическим; вырастая на их основе, он не может функционировать в отрыве от этих родовых форм. По отношению к идеологическому научный дискурс недостаточно императивен, по отношению к мифологическому он уступает в полноте.

Неполнота научного дискурса в какой-то мере компенсируется вероятностным подходом в сочетании с введением математических абстракций (различных видов бесконечных величин). Действовать на основе стратегий с использованием вероятностного подхода возможно только тогда, когда речь идет о количественно измеримых ресурсах; однако это кажется немислимым, поскольку выбор способа действия осуществляется по отношению к реальностям, допускающим лишь качественное описание, особенно реальностям,

касающимся индивидуальной природы, например жизни самого субъекта, осуществляющего выбор.

Борьбы идеологического конструкта с представлениями о чести было бы недостаточно для выбора способа действия: нужна была бы соответствующая мифология (мифологический дискурс), связанная с сакрализацией борьбы с врагом. В этой связи следует отметить, что типичным примером является рыцарский кодекс. В данном контексте речь идет о служении Государю и Прекрасной Даме как об идеологическом принципе, а также о предпочтении смерти позору, что подразумевает дискурсивный переход на более фундаментальный мифологический уровень, где рассматривается дихотомия «живое/мертвое» и по отношению к аксиологическим категориям жизнь теряет свою ценность; следовательно, теряют ценность и ресурсы противника, который может только убить рыцаря, с чем последний внутренне

© Либба Е. А., 2025

Для цитирования: Либба Е. А. Научный, мифологический и идеологический дискурсы как философские феномены // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 2 (47). С. 23–26. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-47-23-26

заранее соглашается. Однако противник не может апеллировать к своей естественной любви к жизни и поэтому вынужден играть в игру, в которой учитываются только качественные и количественные аспекты военной мощи.

Таким образом, кажется справедливым заключить, что мифологическое сознание является субстанциальным и в то же время эмпирическим, тогда как идеология является функциональной и теоретической. Наука, как наиболее ясное и однозначное проявление рационального сознания, имеет тенденцию сочетать эмпиризм с функционализмом, а теоретизм с эссенциализмом.

Методы (Methods)

Выбор методов и приемов дискурсивно-философского анализа обусловлен целью статьи и совокупностью поставленных задач. Используется комплексный подход, сочетающий методы: дискурсивного анализа, гипотетико-дедуктивный метод, общенаучный описательный метод (наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация), а также когнитивный анализ дискурса, осуществленный в рамках настоящего исследования.

В данной статье рассмотрение сложившейся философско-дискурсивной ситуации осуществляется преимущественно двумя способами. Во-первых, на примерах ряда публикаций рассматриваются современные дискурсивно-философские исследования с целью выявления значения, которое приобретает в дискурсивном пространстве изучение отдельных текстов. Во-вторых, настоящее исследование также распространяется на анализ научного, мифологического и идеологического дискурсов как философских феноменов.

Литературный обзор (Literature Review)

Исследования А. И. Аколова, Е. В. Алешинской, Т. Г. Добросклонской, В. И. Карасика, А. А. Кибрика, М. Л. Макарова, Г. С. Мельник, Н. Н. Мироновой значительно расширили представления об общей картине дискурсивного анализа как такового на сегодняшний день. Автор данной статьи также опирался на научные труды Р. Барта (Roland Barthes), Ю. М. Лотмана, Э. Н. Мишкурова, А. Н. Моревова, В. А. Погосяна, Т. М. Рогожниковой, Л. П. Рыжовой, П. Серии (Patrick Sériot), Т. Кобба (Thomas Cobb), М. Маккарти (Michael McCarthy), К. Хайланда (Ken Hyland), С. Ханстон (Susan Hunston), М. Хэндфорда (Michael Handford), Л. Н. Синельниковой, А. А. Соловьевой, Дж. Суэйлза (John Swales), которые помогли выявить ряд аспектов, связанных с характеристикой дискурсивного анализа в философском пространстве.

Исследовательская литература отечественных и зарубежных ученых освещает также проблемы дискурсивно-философского характера. Сюда относятся разработки таких исследователей, как Н. С. Автономова, О. В. Александрова, Л. Г. Антонова, С. А. Арутюнов, Н. Г. Асмус, И. В. Богословская, Е. М. Верещин, Б. М. Гаспаров, В. Г. Костомаров, Н. Б. Мечковская, А. Моль (Abraham Moles), В. В. Налимов, В. П. Нерознак.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В статье рассматривается перспектива, согласно которой наука (в собственном, т. е. современном, смысле) сформировалась именно после обширного опыта идеологическо-

го религиозного теоретизирования в Средние века и попыток вернуться к античным художественным практикам в эпоху Возрождения. Однако, как представляется, чистых форм не существует; дискурсивные параметры даже демонстративно рациональных форм деятельности, таких как экономическая или научная, все равно обнаруживают наличие идеологических и/или мифологических компонентов. Например, фокус на «узнаваемости бренда» [1, р. 252] основан на потребительской склонности к мифу: имя собственное предстает как неизменная сущность, качества которой подтверждаются ограниченным числом частных примеров («курорты, обязательные для посещения» или «мебель как новая»). Однажды созданная репутация бренда не нуждается в теоретическом обосновании и мало страдает от негативных отзывов потребителей — периодического эмпирического подкрепления, по-видимому, вполне достаточно.

Параллельно с этим процессом развивается другой, связанный с ним: пространство имен собственных в какой-то момент становится слишком узким, в результате чего включение в список новых имен становится слишком дорогим. В этой ситуации в игру вступает другая стратегия: продажа не имени, а функции, абстрактных количественных параметров, лошадиных сил и мегапикселей. Этот тип дискурсивной стратегии — изощренный обман, он уже не элементарен и предполагает как минимум два шага: будущая покупка представляется как набор функций — уверяют, что именно эти функции наилучшим образом раскрывает предлагаемый продукт.

В этом контексте следует вспомнить, что Р. Барт говорил о мифе, анализируя свойство знаковых систем, позволяющее знаку повторно использоваться в качестве означающего для нового означаемого и для стратегии сообществ, успешно использующих это свойство [2]. В этом случае мифологическая надстройка намеренно прикрывается невинностью исходного знака, субъект дополнительного высказывания оказывается неизменным.

Индивиды привычно окружены этими дискурсивными конструкциями в формах рекламы экономического характера. Так, с помощью дискурсивных механизмов реклама пытается внушить нам ассоциативные представления; например, она убеждает нас в том, что, моясь, мы заботимся о сохранении своего здоровья (функционалистская идеологическая конструкция основана на предположении, что у нас, как правило, недостаточно времени для объективной оценки сравнительной эффективности различных гигиенических традиций). Более того, нас вдохновляет ощущение, что успех в гигиенических процедурах также обеспечит социальный успех в группе (как это изображено на плакате и представляет собой в типологическом плане миф, в котором различные виды успеха приписываются самой сути мифологического персонажа). Более того, от нас ожидают, что мы запомним собственное имя единственного истинного бренда, который гарантирует этот успех в отличие от других («недостойных»). Аналогично в других сферах деятельности, похоже, пропагандисты вполне справедливо ожидают, что потребитель их мифа усвоит, что только следование определенному собственному имени или аббревиатуре избавит его как от простуды, так и от других проблем.

Тем не менее, хотя эти дискурсивно-семиотические механизмы кажутся универсальными, продолжая называть эту практику «мифологизацией» вслед за Р. Бартом [2], не следует путать дискурсивно различимые мифологические и идеологические конструкции. Принципиальное различие между ними заключается, прежде всего, в том, что мифологический дискурс соотносится с номинальными конструкциями, а идеологический — с вербальными. Кроме того, мифологический дискурс не склонен к иносказанию, а идеологический дискурс изобилует метафорами и фразеологизмами.

Однако кажется справедливым обратить внимание на то, что в данной ситуации обращение к мифу более уместно, поскольку именно миф представляет собой простейшую, а значит, и самую первую технологию структурирования мира культуры, начиная с дихотомий, сокращая их количество посредством отождествлений, фиксируя их с помощью олицетворений и получая картину мира из одних лишь «персонифицированных чистых сущностей» [3, р. 69], где Любовь только любит, а Ревность только ревнует. Однако для организации согласованных действий больших сообществ мифологическая картина мира неэффективна, поскольку в этой ситуации необходимы универсальные предписания; результат соотносится с действием, а не с predetermined сущностью, которую можно лишиться идеи уникальности, например, просто провозгласив соответствие природе человека.

Эффективность идеологических картин и соответствующих им дискурсивных порядков подтверждается многочисленными примерами из истории (экономические успехи религиозно мотивированных сообществ), а также примерами из современной практики (достижения пропаганды в XX в.).

Однако следует обратить внимание на то, что мы живем в мире «традиций», «духовных связей» и «неотчуждаемых прав человека» (т. е. в мире идеологических конструктов высокого порядка) [4, р. 181], а также в мире технологий: коммуникационных, энергетических, военных, транспортных, медицинских и др. Технологии, в свою очередь, базируются на фундаменте науки; научный дискурс систематически демонстрирует пренебрежение к ее мифологическим и идеологическим корням (идеологически нагруженным версиям естественно-научного знания, например, таким как не имевшее большого успеха выращивание сельскохозяйственных культур Лысенко).

Существует естественное желание социума, чтобы технологии не появлялись как побочный продукт в процессе удовлетворения учеными своего врожденного любопытства — организованные сообщества ученых должны разрабатывать полезные технологии.

Можно предположить, что усиление институционального, организационного (т. е. в конечном счете идеологического, поскольку идеологическое сознание воплощается в институтах) контроля над наукой, по-видимому, является симптомом ее упадка, так как в этом случае более примитивная форма сознания (идеология) начинает доминировать над более сложной (наукой). Идеологизация как явление в целом представляет собой регресс, возврат к донаучной

стадии миропонимания и происходит систематически и регулярно при неблагоприятных обстоятельствах, таких как экономические кризисы или войны; при успешном преодолении эпохи кризиса идеология вновь отступает на второй план [5; 6].

Однако по мере нарастания провала социального проекта представляется потенциально возможным дальнейший регресс с последующим возвратом к мифологической форме сознания, а значит, и к мифологическим дискурсивным практикам: примеры такого регресса легко найти в истории XX в.

Представляется, что более примитивные формы также более устойчивы и, следовательно, могут демонстрировать исторически длительное существование. То же самое, наоборот, кажется верным в отношении более сложных и возвышенных форм мифа и идеологии: в этой связи следует упомянуть Данию и Норвегию, которые уже более века находятся в культурно своеобразном мифе *hygge* [7].

Таким образом, дискурсивность понимается как «принцип независимости» [8, р. 137], который неразрывно присущ языковым явлениям, что делает невозможным рассмотрение языка как инструмента или устройства; язык представляется как среда, склонная к самоформированию, механизмы и законы которой вполне поддаются описанию. Многозначность, присущая элементам языка в этом отношении, представляется источником их внутренней напряженности, противоречивости, разнонаправленности и двусмысленности, т. е. в прямом смысле слова *дискурсивности*.

Представляется целесообразным рассмотреть эту проблему с двух сторон: во временных терминах и в аппозитивных понятиях сложности и простоты. Наименование видится методологически простым языковым процессом. Однако это создает проблему — уникальность вещей, явлений и событий оправдывает использование собственных имен, в то время как очевидные препятствия заставляют прибегать к нарицательным именам.

Язык, состоящий только из собственных имен, кажется непревзойденно экономичным с точки зрения скорости произношения, тем не менее для его создания и освоения потребовалось бы потенциально бесконечное количество времени, поскольку такой язык, очевидно, был бы идиолектом.

В философском дискурсе единственным носителем подлинного идиолекта является Бог-Творец авраамических религий. Кроме того, представляется потенциально возможным полностью отказаться от собственных имен, заменив их бесконечно длинными и бессвязными парафразами, если бы абсолютная точность была основным критерием. В этом случае был бы сформирован язык, который было бы чрезвычайно легко выучить, хотя и совершенно неэффективный, поскольку в крайнем случае потребовалось бы бесконечное количество времени, чтобы точно указать на одну вещь.

Это означает, что такие два типа сложности (структурная и функциональная) кажутся взаимодополняющими, хотя фактически используемый язык вынужден избегать оба типа. В результате кажется необходимым использовать языковые приемы очень неточно, чтобы успеть что-то сказать за ограниченное время. Таким образом, следует

признать, что то, что говорится, наряду с тем, что хотелось бы сказать, содержит также и то, что говорится «само по себе» [9, р. 41] в силу свойств (дискурсивных механизмов) самого языка.

Таким образом, представляется правомерным сделать вывод о том, что полная форма современной дискурсивности как философский феномен должна включать мифологическую, идеологическую и рациональную составляющие; в то же время рациональная или даже идеологическая составляющие дискурса могут быть временно сокращены из-за нехватки ресурсов. В этой связи показательно, что типичные картины постапокалиптических сообществ, изображенные в воображаемых произведениях искусства, неизбежно содержат аспекты, касающиеся архаичных форм жизни.

В перспективе проблема заключается в обоснованной футурологической идее о том, что масштабная катастрофа создаст технологический провал и возврат к технологиям прошлого, а также в здравом понимании того, что коммуникативные дискурсивные стратегии, обеспечивающие координацию действий сообщества, напрямую зависят от этих технологий; идеологии, распространяемые устной традицией, неизбежно во многом отличаются от идеологий, распространяемых телевидением и Интернетом.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, в данной статье дан анализ научного, мифологического и идеологического дискурсов как философских феноменов в контексте коммуникативной практики.

Автор статьи приходит к выводу, что существует некий исходный дискурс, в котором спецификации еще не сформированы, его онтология состоит из тех значений, которые потенциально могут быть преобразованы в предметные области различных дискурсов. В этом исходном дискурсе

такие значения кажутся лишь приблизительными; в то же время они могут быть максимально приближены к недискурсивным практикам. Это нечто похожее на то, что Гуссерль определял как «жизненный мир» [10, с. 113], в котором он видел источник всех наук. В то же время онтология исходного дискурса содержит прототипы всех предметных областей, которые потенциально допускают такое взаимодействие. Уточнение и прояснение приводят к дальнейшему разветвлению и расширению этого дискурса, следовательно, встречи дискурсов определяются их общим источником происхождения.

Следует отметить, что в этом исследовании различные научные области рассматривались только как примеры, которые подтверждают очевидную общность относительно модели взаимодействия дискурсов. Представляется, что данная модель в первую очередь связана с научными областями деятельности, поскольку объясняет возникновение таких смежных дисциплин, как биохимия, физическая химия, биофизика, геофизика, социальная лингвистика и другие направления.

По всей вероятности, каждая из этих дисциплин появляется при сближении двух ранее расходящихся от общего базового дискурса ветвей, в каждом случае возникает «частичная дополнительность» [11, р. 229]. Представляется, однако, что подобные явления возможны не только в науке, например принцип дополнительности может проявляться в рамках различных религиозных дискурсов, что находит свое выражение в различных видах межрелигиозных и межконфессиональных взаимодействий, представляя собой характерную черту нашего времени.

Таким образом, понятие дискурса не может быть сведено к чисто лингвистической природе, как это было в случае с жанром или стилем языка в рамках определенной эпохи и национальности, но неразрывно связано с философией.

1. Wright S. E. *Scientific Translation // The Oxford Handbook of Translation Studies* / ed. by K. Malmkjær, K. Windle. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 243–261.
2. Барт П. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика* / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 2001. 616 с.
3. Bradby B. *Discourse Analysis // Media, Industry and Society* / ed. by J. Shepherd. London ; New York : Continuum, 2007. P. 67–70.
4. Cheng W., Warren M., Xun-feng X. *The Language Learner as Language Researcher // Putting Corpus Linguistics on the Timetable*. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. P. 173–186.
5. Percebois J. *Les économistes universitaires français et leurs homologues anglais et américains: aspects institutionnels, culturels et linguistiques // ASp*. 2006. No. 49/50. P. 79–91. DOI: 10.4000/asp.709
6. Flowerdew J. *Academic Discourse*. London : Pearson Education, 2002. 264 p.
7. Bouchard G. *Michel Foucault: unité ou dispersion de l'œuvre // Laval Théologique et Philosophique*. Paris : Minuit, 2003. P. 485–502.
8. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 260 p.
9. Carter-Thomas Sh., Rowley-Jolivet E. *Syntactic Differences in Oral and Written Scientific Discourse: The Role of Information Structure // Discourse Analysis*. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 37–42.
10. Гуссерль Э. *Картезианские размышления*. СПб. : Наука, 2006. 316 с.
11. Bernardini S. *Systematising serendipity: Proposals for concordancing large corpora with language learners* / ed. by L. Burnard, T. McEnery // *Rethinking Language Pedagogy from a Corpus Perspective*. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2000. P. 225–234.